

Алексис Бунг

**Безмолвное
море**

Аннотация

Адриана никогда не верила в то, что найдёт свою настоящую любовь, ей больше нравилась физическая близость с мужчинами. Отправляясь в 16 лет в качестве фрейлины в Англию, она надеялась, что окунётся в водоворот придворных интриг и тайн. Смелая, дерзкая, страстная она произвела настоящий переполох во дворце. Вереница смертей, любовные неудачи, заговоры — всё это обрушилось на хрупкие плечи девушки, которая собирает все детали мозаики и раскрывает тайну предков английских королей, проклятье королевской семьи и распутывает клубок всех мистических событий в замке.

Алексис Винг

Безмолвное море

Адриана выскочила во двор, дабы лично поприветствовать гостей, приехавших издалека. На ней было бархатное бардовое платье с чёрными ажурными рукавами с оборками, вышивкой по линии декольте в виде драгоценных камней. Длинные волосы цвета воронового крыла спадали до самых бёдер. Большие карие глаза казались особо привлекательными под чёрными густыми бровями и пышными ресницами.

Ей с детства прививали мысль, что она — совершенна, её красота превосходит красоту самой греческой богини Афродиты, поэтому она должна использовать в полной мере те дары, которыми наградила её природа. Родители чуть ли не каждый день вторили ей, что она должна помнить о своём положении дочери посла великого государства и, сообразуясь со здравым смыслом, подойти к вопросу о браке со всей серьёзностью. Ей не позволялось влюбляться, ни в коем случае. Об этом ей сообщили сразу же, как только родители заметили, что девушка флиртует с симпатичным юнцом, служащим у её отца.

К сожалению родителей, Адриана была девушкой страстной и не собиралась гнушаться

своими собственными желаниями и порывами сердца. Благо, помимо этого, дочь посла была тщеславной особой и не намерена была выходить замуж за какого-то там мелкого писца. Она метила гораздо выше и избранника выбрала бы знатного. Кроме того, она считала, что ей было не дано познать прелести искренней, настоящей любви, хоть она и утверждала, что любила всех своих воздыхателей. Адриана скорее любила саму идею любви, чувства невесомости и лёгкости в теле. Ей нравились безрассудные поступки её поклонников, песни, стихи, написанные в её честь и кардинальное преображение своей внешности, которое происходило после любовных утех. И, несмотря на то, что девушка была незамужней и ей категорически запрещались сексуальные связи с мужчинами, т. к. она могла опорочить себя, свою семью, и попросту забеременеть, Адриана уже с 14 лет не была девственницей.

Родители об этом, безусловно, не знали. Девушка была чрезвычайно осторожна в этих делах, не только скрывая их ото всех, но и предотвращая попадание семени в своё чрево. Адриана была уж слишком самовлюблённой, чтобы позволить себе забеременеть, не будучи при этом замужем за богатым мужем, но и отказываться от получения неземных наслаждений она не собиралась. Благодаря одной из служанок,

заметившей, что дочь её господина проводит слишком много времени наедине с одним из гонцов её отца, она осмелилась поговорить с девушкой и дать ей пару советов на счёт предохранения от зачатия.

Оказывается, служанка Бьянка в прошлом была куртизанкой во дворце французского короля и знала почти всё, что было связано со сношением. И, получая от Адрианы щедрое вознаграждение, служанка хранила её секрет и давала ей всё больше советов по части сексуальной жизни. Сейчас Адриане было уже 16 и, хотя она уже как два года могла бы быть замужем, её родители не спешили выпускать девушку из семейного гнезда, они всё ещё искали ей подходящую кандидатуру, как среди французских холостяков, так и английских.

Они жили во Франции больше пятнадцати лет, и за это время Адриана ещё ни разу не побывала у себя на родине, в Англии. Теперь же её отец, герцог Шепард, получивший этот титул благодаря жене и состоящий при этом послом Англии во Франции, выхлопотал для своей дочери место в свите королевы Англии, Сесилии, из рода Девиарт, принцессы Шотландской. Мать Адрианы, герцогиня Шепард, противилась желанию мужа, убеждая его не отправлять девочку так далеко, что было довольно-таки странно, ведь герцогиня не питала тёплых чувств к собственной дочери, но

посол настоял на своём.

И теперь Адриана предвкушала поездку в далёкое королевство, которая должна была вскоре сулить ей новые приключения, перспективы и возможность удрать из родительского дома и распусть крылья в загадочной и неизведанной ею стране.

Сегодня утром дочь посла подняла на уши всех слуг, приказав им проветрить все комнаты во дворце, перестирать всё бельё, украсить гостевые комнаты купленными ею картинами, турецкими коврами, закупить как можно больше продуктов для шикарного ужина и пригласить столичный оркестр. Мать девушки предпочла остаться в стороне от бытовых дел, она всё вверила в руки своей дочери, которая была только рада покомандовать слугами. Посол как всегда был занят работой, но обещал вернуться к вечеру, когда как раз придут гости. Но сердце девушки забилося сильнее, когда кто-то из слуг объявил о прибытии важных персон по полудню. На секунду Адриану одолела паника, она накричала на слуг, но уже через пару мгновений взяла себя в руки и вышла из дворца.

Перед ней восседали четверо всадников. Отец оказался одним из них, он давал указания конюху и весело шутил о чём-то с гостями. Когда Адриана подошла к ним, все обернулись к ней лицом и еле

сдержали возглас восхищения. Одним из гостей был тучный мужчина тридцати пяти лет, в костюме светлых оттенков по последней французской моде: тонкая рубашка с кружевным воротником и манжетами выглядывала из-под дублета, обшитого золотом и серебром. Помпезность и вычурность наряда говорили о том, что этот человек был французом, не боящимся кричащей экстравагантности в одежде. Другими двумя всадниками были англичане, это она поняла не только по их скромной, сдержанной одежде, но и по их чёткому произношению английских слов. Здесь, во Франции, у Адрианы было не так много разговорной практики английского языка, но и те, с кем ей удавалось поговорить, говорили с явно выраженным французским акцентом. Девушке показалось, что одного из этих англичан, того, что был гораздо богаче второго (это было заметно по поясу, украшенному жёлтыми бриллиантами), она уже когда-то видела. Его лицо ей показалось знакомым, хоть она точно не могла сказать, где его видела.

Адриана присела в глубоком реверансе, опустила голову долу и расплылась в улыбке. Ей нравились все эти игры, при которых она надевала маску благочестивой и скромной девушки, хотя на самом деле была не столь праведна, как могло показаться. Ей нравилось дурачить всех людей, в

том числе её родителей. Ей это в общем-то удавалось, поэтому она часто считала себя умнее остальных.

— Ах, а вот и Адриана. Друзья, позвольте вам представить мою дочь, леди Адриану, девушку, красоте и уму которой завидуют даже во дворе французского короля. — Посол широко заулыбался, подошёл к дочери и обнял её за плечи. Адриана про себя усмехнулась, т. к. сказанное отцом было не совсем правдой.

Конечно, она присутствовала на многих приёмах королевского двора в Париже, но ей там были отнюдь не рады. Девушка назвала не в подходящий момент принца французской крови дураком, и тот случайно услышал нелестный отзыв в свой адрес, и чуть ли не прилюдно выгнал Адриану из зала. Она несколько пожалела о своём поступке, ведь так любила роскошь и, несмотря на то, что особняк посла отличался богатым убранством, Адриана всё равно мечтала жить в королевском дворце.

В своём доме она была скорее управляющей, ведь отца почти никогда не было в доме, а мать не любила заниматься такими пустяками, предпочитая тратить всё своё время на написание мрачных картин или на развлечения со своими многочисленными любовниками. Адриана знала о похождениях матери, и хоть она не имела права

осуждать её, ведь сама грешила подобным, но ей было очень жаль отца, ведь тот был неплохим человеком, хоть порой и скрывался под чѣрствостью и спесивостью светского человека. Но лишь Адриана видела этого человека насквозь, и хоть его достоинства были затенены многочисленными недостатками, девушка любила его, больше, чем мать, которую заботила лишь её собственная жизнь.

— Да, я что-то слышал об этом, — без тени улыбки заметил богатый англичанин. Он слегка кивнул девушке в знак приветствия и, когда та протянула ему руку для поцелуя, он лишь немного наклонился к руке и поцеловал воздух, отчего Адриана почувствовала, как внутри неё загорается огонёк ярости и гнева. — Надеюсь, к английским принцам вы будете более благосклонны. — Едва слышно произнёс молодой мужчина. Но девушка его услышала, в отличие от других.

Адриана не знала, как реагировать на такую насмешку в её сторону, и, потупив взор, улыбнулась, предпочитая оставить замечание без ответа, как будто она его и не слышала.

— Адриана, познакомься с нашим почётным гостем. По воле судьбы его высочество, принц Чарльз, оказался проездом в Париже, и я пригласил его отужинать у нас во дворце. Графа Монтессо ты, конечно, помнишь. — Отец был чрезвычайно горд

тем, что мог показать свою красавицу-дочь принцу и одному из наследников английского трона.

Но Адриане эта новость уж никак не принесла радость. Мало того, что она не была готова принять в своём доме такого гостя, так она выказала ему неуважение, преподнеся руку для поцелуя. Судя по всему, неприязнь у них была взаимной, т. к. его высочество не был пленён наружностью спутницы, чем вызвал у неё возмущение, даже несмотря на своё высокое положение. Теперь Адриане пришлось лучше рассмотреть этого гостя, ведь в его дворе ей предстоит оказаться.

Ему было около 18 лет, не больше. Светлые волосы с золотистым отливом прекрасно сочетались с голубизной глаз. Но закрытый, суровый их взгляд портил общее впечатление. Под скучной одеждой скрывалось мускулистое подтянутое тело. Нижняя линия губ полновата, лицо, впрочем, не лишено приятных черт, но всё внимание Адрианы сосредоточила на светлых бровях, в тон волосам. Девушка никогда не любила светловолосых мужчин, отдавая предпочтение темноволосым кареглазым красавцам, блондинов она всегда обходила стороной. И даже не учитывая того факта, что принц был довольно-таки красив, девушке он не нравился. Но будучи хорошей актрисой, она старалась убедить всех в обратном, ведь наживать врагов на новом месте ей совсем не

хотелось.

— Какое счастливое стечение обстоятельств. Очень рада познакомиться с вами, ваше высочество. — Лучезарно улыбнулась Адриана и вновь низко поклонилась. — Простите, что встречаю вас так скромно, я даже представить не могла, что так скоро удостоюсь чести познакомиться с его высочеством.

— О, миледи, мне не требуется особое внимание, я не сторонник пышных приёмов. — Честно признался Чарльз. Адриана же подумала про себя: «Ну и зря, а ещё принцем зовётся».

— Поверьте, мне будет приятно уделить вам внимание и позаботиться о вашем досуге. — Подобострастно произнесла девушка, хотя эти слова были абсолютной ложью. — Позвольте, я провожу вас в ваши покои, где вы сможете оправиться с дороги, а после мы можем отобедать прямо на веранде. Погода сегодня стоит прекрасная.

— Почту за честь. — Произнёс без лишних эмоций принц и прошёл с остальными гостями во дворец.

Когда сопровождающий принца, который, как ей доложили, был главным секретарём его величества короля, оказался рядом с Адрианой, она заметно оживилась и нашла в нём привлекательного молодого мужчину с тёмными

волосами и серыми глазами, которые, как только он смел на неё взглянуть, сияли неподдельным благоговением. Адриана дала распоряжения прислуге, и сама провела гостей в их комнаты. Затем она поспешила на кухню, чтобы справиться об обеде, в то время как глава семейства «вытянул» жену из её заточения в свет.

Через полчаса гости и хозяева дома собрались за столом на веранде. Приятный влажный ветерок раздувал волосы юной красавицы, которая словно расцветала с каждым новым взглядом гордого отца и влюблённого английского секретаря.

Адриана уже пообещала себе, что этот молодой человек окажется в скором будущем в её постели и с нетерпением ждала момента, когда его крепкие мужские руки сорвут с неё одежду. Из-за этих мыслей она иногда отвлекалась, отчего теряла нить разговора и казалась со стороны какой-то мечтательной и отвлечённой. По крайней мере, принц уже составил мнение об этой юной барышне. Адриана сама не могла понять, почему её обаяние не распространяется на Чарльза, и уредила себя в том, что, скорее всего, он — содомит, а этот симпатичный спутник, которого она возжелала себе в любовники, является любовником самого принца. Главное, чтобы этот красивый юнец не был верным только своему господину. Еле сдерживая себя, чтобы не засмеяться от подобных мыслей, девушка

отпила немного разбавленного с водой вина и услышала последнюю фразу отца:

— Кроме того, Адриане будет полезно поучиться придворному этикету и взять пример с её величества, королевы Сесилии. Я всегда восхищался тем, как ведут дела ваша мать и отец. — Доброжелательно отозвался он. Адриана же слегка вскипела с произнесёнными словами, ей хотелось утопиться в собственном бокале. Отец, конечно, не хотел говорить о дочери ничего плохого, но выглядело всё так, будто он упрекает её за вольнодумие и беспечность и теперь он отправляет её в Англию, в надежде, что она исправится. Адриане стало стыдно, и она шёпотом попросила виночерпия не наливать её отцу больше такого крепкого вина.

— Благодарю, господин посол. Думаю, леди Адриане понравится у нас во дворце. Хотя, к сожалению, наш двор лишён такой пышности, как французский двор. — Он говорил и смотрел ей прямо в глаза, не выдавая ни одной из своих эмоций, как будто даже ничего не чувствовал.

Девушка тоже надела маску, лишь в мыслях позволяя себе бранить этого нахала, который вновь незаметно ото всех кольнул её огромной иглой. Ещё шире улыбнувшись, она произнесла:

— Как много, однако, существует такого, в чём я не нуждаюсь. — Гордо заявила девушка, не

пытаясь в то же время прямо дерзить своему собеседнику. Безусловно, она любила богатство и роскошь и предпочла бы, чтобы в Англии также часто устраивали множество праздников и уличных карнавалов, как во Франции, но признавать это и ещё сильнее падать в глазах высокого лица она не собиралась.

— Вы читали Сократа? — Удивился принц, лишь слегка вскинув светлую бровь. Тут вмешался отец, которому с каждым новым бокалом вина хотелось говорить, как можно больше:

— Ох, ваше высочество, моя дочь притронулась ко всем книгам из моей библиотеки, и хоть я объяснял ей, что чтение такой литературы не пристало юным особам женского пола, она даже слушать меня не захотела. — Горячо разоткровенничался посол. Но от его слов Чарльзу стало лишь любопытней, ведь до этого момента он считал, что перед ним сидит — девушка с весьма скудным мышлением.

— Нет, почему же, чтение книг никому не может навредить, особенно чтение античной литературы. Ведь познавая прошлое, открываешь хотя бы малую часть самого себя. — Высокопарно изрёк Чарльз.

— Эсхил? — Предположила Адриана.

— Нет, всего лишь я. — Скромно ответил принц. Адриана усмехнулась, сочтя кротость его

высочества лишь за одну из масок, которыми она и сама вуалировала своё истинное лицо. «Наверное, у нас с ним гораздо больше общего, чем может показаться», — подумала дочь посла. Родители её только переглянулись между собой, недоумевая, как так вышло, что кому-то интересны умственные способности их дочери, а не её внешний вид.

— Во дворце моего отца тоже есть своя библиотека, и я был бы рад показать вам один из папирусных свитков, который подарил мне монах из одной английской церкви. Есть вероятность, что этот свиток — один из немногих уцелевших от пожара в Александрийской библиотеке.

— Не может быть! — Не смогла сдержаться Адриана. Её пульс учащённо бился, глаза широко распахнулись, а чувство нарастающего любопытства съедало изнутри. — Что там написано?

— К сожалению, я не смог прочесть. Свиток слишком хрупок и текст на нём почти невиден. — С горечью признался принц. — К тому же, у меня не так много свободного времени на это. — Но это оправдание не удовлетворило Адриану, она разочарованно вздохнула. Отец, сидящий справа от неё, немного поддёрнул её локтем.

— Буду вам очень признательна, ваше высочество, если вы мне покажете его. — С неохотой заговорила девушка. В её голове уже роem

вились множество предположений и догадок, что же могло быть там написано. На секунду ей показалось, что они с принцем, наконец, смогут найти общий язык, но поняв, что этот человек такой же скучный, каким и показался на первый взгляд, она убедилась в том, что всё же они не так похожи.

— Даже не могу предположить, чем вы ещё увлекаетесь, леди Адриана? — Попытался вновь заинтересовать девушку собеседник. Но за неё ответил отец, которому не терпелось показать дочь с лучших сторон, несмотря на то, что в начале знакомства она произвела не самое хорошее впечатление на почётного гостя:

— Адриана очень красиво играет на арфе. Она сама подбирает ноты и сочиняет музыку. Кроме того, моя дочь искусна в языках. Она в совершенстве знает французский, английский, латынь, читает на испанском. — Отец вовсе не привирал в этот раз, Адриана была действительно одарённой девушкой, и более того, училась она в удовольствие, а не по принуждению.

Но говоря это, отец умалчивал о том, что он и его жена не одобряли жажды Адрианы к знанию, ведь женщина, даже в современном обществе, не должна была быть умнее своего мужа. Кроме того, ярых вольнодумцев, в особенности женщин, часто принимали за ведьм, ведь они чтити знания превыше Бога и могли найти способ причинить

вред людям или королю и его семье. Эти опасения родителей не были напрасными.

Во Франции, как, впрочем, и в Англии женщин, открыто высказывающих своё мнение и суждения, могли сжечь на костре просто из-за подозрения в колдовстве, а не наличия улик. Но Адриана была девушкой своенравной, и хоть она понимала, что порой следует проглатывать язык, но вместе с тем она не собиралась лишаться привилегий изучать науки и заниматься саморазвитием только потому, что родилась женщиной.

— Я восхищён, вы очень талантливы, судя по всему. — Всё также сухо парировал принц. Адриана же услышала в его тоне едва заметное сомнение. — Нисколько не сомневаюсь, что в Англии многие захотят взять вас в жёны. — Как бы невзначай заметило его высочество. В это же время его подданный, господин Джейкоб, смутился и покраснел, как будто говорили как раз о нём. Увидев это, Адриана пришла в восторг, который сменился негодованием, когда заговорила её мать:

— Будем надеяться, ваше высочество. И будем благодарны, если вы посодействуете этому и порекомендуете лучшего кандидата, — проговорила герцогиня, наконец, выдавив из себя пару фраз за целый обед.

Теперь пришло время смущаться Адриане, но

это лишь казалось, что румянец на её щеках — следствие затронутой щекотливой темы. На самом деле, внутри девушки бушевали страсти, и больше всего она хотела прокричать на весь двор и попросить своих родителей не лезть в её дела, и тем более не просить этого бесчувственного принца искать ей жениха.

— Простите, матушка, но смею предположить, у нашего дорогого гостя нет времени на такие пустяки. Так что выбор моего мужа придётся доверить мне. — Нерешительно заговорила девушка, довольная внутри себя от того, какой эффект произвели её слова на Джейкоба.

Тому нравилось, что Адриана умеет постоять за себя, и открыто заявляет о том, что с её мнением должны считаться остальные. Вот только бедный Джейкоб даже не представляет, что эта миловидная девушка ни за что не станет выходить замуж за какого-то там секретаря, пусть даже он — доверенное лицо его величества короля. Разрядить обстановку попытался принц:

— Миледи, вопрос касательно вашего будущего немаловажен, и я смогу найти время для вас, так как уважаю посла и ценю его службу у моего отца. — Без тени тёплого участия проговорил Чарльз.

— Вы окажете мне большую честь. — Выдавила из себя смущённую улыбку девушка. Это

было её первое поражение, но продолжать спорить с этим человеком ей не хотелось, уж слишком высоко он сидит, и, по-видимому, ещё пригодится ей.

После обеда все переместились в зал, т. к. солнце уже вовсю парило, и Адриане было трудно дышать в своём тесном платье, к тому же столь жарком в летнюю погоду. Но дочь посла желала предстать перед гостями в своём лучшем наряде, так что пришлось попотеть, причём в прямом смысле этого слова.

Зайдя в прохладную комнату, девушка немного пришла в себя, хоть и до этого виду не подавала, что ей дурно. Адриана решила развлечь гостей и села, прижав к груди любимый музыкальный инструмент. Её длинные пальцы соприкоснулись к тонким струнам арфы, и по комнате разлилась ручьём нежная мелодия, заполняющая все пустоты человеческой души. Даже Адриана, закрыв глаза от удовольствия, перенеслась в какой-то иной мир. Но открыв их, она обнаружила, что не все разделяют с ней такое же блаженство.

Граф Монтессо, секретарь Джейкоб и посол заморожено смотрели на девушку. На их лицах разглаживались все морщины. Создавалось впечатление, будто на этих троих снизошло какое-то божественное провидение и в их душах

будто ангелы поют ту песню, что доносится из-под струн арфы Адрианы. Мать же смотрела невидящим взором куда-то в угол и хоть она почти ничего прочего не делала, казалось, будто эту женщину раздражает игра Адрианы.

Иногда дочь думала, что мать завидует ей или в чём-то упрекает, но в чём именно, она даже догадаться не могла. Самый важный гость был тоже отвлечён какими-то своими мыслями, он лишь изредка наблюдал за игрой девушки, всматриваясь в каждое её движение, как будто ожидая, что она в любую секунду допустит какую-то ошибку. Но этого не случилось, Адриана была на высоте, хоть и не смогла покорить самого требовательного своего гостя. Затем её отец и принц последовали в кабинет, дабы обсудить какие-то свои дела. Прочие гости вышли на улицу, так как к вечеру посвежело, и уже было не так душно. Герцогиня показывала графу все достопримечательности особняка, его сад, фонтан и прочие уголья, которыми она гордилась. Адриана и Джейкоб шли рядом, но как будто бы немного в стороне, наслаждаясь лишь обществом друг друга, не нарушая допустимых границ.

— Должно быть, вам непросто покидать родной дом и отправляться в чужие края, где вы никого не знаете. — Тихо промолвил он.

— Вы знаете, не так непросто, как может показаться. Я всю жизнь мечтала оказаться в

стране, где родилась. И я не боюсь одиночества, на новом месте я быстро смогу обрести новых друзей и завести новые знакомства. Поэтому я лишь радуюсь тому, что буду жить в королевском дворце. — Страстно и сладостно произнесла девушка. Она знала, что этому человеку можно говорить всё, что вздумается, даже то, что у неё было на душе, ведь он уже итак был в её руках.

— Но как же ваши родители? Разве вы не будете скучать по ним? — Поинтересовался собеседник.

— Отец мой итак часто в разъездах, мать тоже очень занята... Так что я не буду долго горевать по разлуке с ними. К тому же, как вы заметили, у нас с ними разные взгляды на брак. Надеюсь, они смогут понять меня и принять мой выбор, каким бы он ни был. — Театрально вскинула брови домиком юная особа.

— Миледи, я восхищаюсь вашей силой воли и стремлением самостоятельно принимать решение в таком вопросе. Вашему будущему супругу очень повезёт с вами. — Горячо отозвался Джейкоб.

— Вы так думаете? Ох, я не знаю... Есть столько девушек красивее и умнее меня. — Наигранно надула губки Адриана.

— Не могу согласиться, леди Адриана. Вашу красоту ни с чем не сравнить, когда я смотрю на вас, мне кажется, что передо мной греческая

богиня. — С благоговением пролепетал молодой мужчина. — И ваш ум поражает своей остротой. Я никогда ещё не встречал таких девушек, как вы.

— Будьте осторожны со словами, мсье, а то я могу подумать, что вы влюбились. — Смущаясь, прошептала дочь посла. Она уже чувствовала, как добивается правильного звучания струн сердца этого юнца, поэтому ликовала втайне ото всех. Её собеседник покраснел с головы до пят, и не решался что-то ответить на прямое попадание в мишень.

— Мсье Джейкоб, знайте, я сохраню ваш секрет. — Слегка наклонившись к нему, прошептала Адриана и кокетливо улыбнулась, раздумывая уже о том, когда же они смогут остаться наедине и насладиться плотскими утехами друг друга. Девушка тихонько хохотнула и догнала свою мать, рассказывающую своему спутнику о какой-то старинной легенде, имевшей место в том городе, где они жили. Дочь посла приняла участие в беседе и с оживлением продолжила историю матери, заметив, как кто-то у окна кабинета на втором этаже рассматривает её. Не желая нарушать покой этого любопытствующего, она предпочла улыбаться ещё шире и идти по своим землям с высоко поднятой головой, считая, что всё-таки она не потерпела поражение, а самое интересное ещё впереди.

К вечеру во дворец приехали музыканты, повара приготовили изысканные блюда, и Адриана смогла, в конце концов, предстать перед гостями в новом амплуа: умелой хозяйкой дома, которая может сама устроить небольшой торжественный ужин по случаю знакомства с важными персонами.

Переодевшись в лиловое платье из атласа, украшенного кружевами на баллонообразных рукавах и манжетах и обшитого тонкими нитями жемчуга на подоле, талии, кистях рук, Адриана выглядела по-настоящему восхитительно. Длинные волосы были распущены по плечам. Надев украшенные бантами туфли на высоких каблуках, девушка всё же предпочла не отсиживаться весь вечер, а протанцевать с каждым из гостей хотя бы один сет танца. Оркестр потрудился на славу. Танцевали гости, как быстрые ритмичные танцы бальярды, так медленные и спокойные паваны.

Несмотря на всю сдержанность в словах и поступках его высочества, он танцевал достаточно профессионально и грациозно, и заслужил несколько одобрительных взглядов леди Адрианы. Затем хозяева дома переместились с гостями в музыкальную комнату, где смогли сесть за карточные столики и поиграть в азартные игры, попытав свою удачу. Дочь посла села играть с Джейкобом, предпочтя разогреться для начала и продолжить свой план по оболыщению этого

привлекательного мужчины.

— Мсье Джейкоб, а как вы находите вашу службу у короля Генриха? — Поинтересовалась она.

— О, миледи, я очень рад служить его величеству, хотя в последнее время предлагаю услуги лишь их высочествам, принцу Чарльзу и его брату принцу Теодору.

— И в чём же состоят ваши услуги? — Как бы невзначай спросила Адриана. Она, конечно, не рассчитывала, что Джейкоб открыто ей признается в том, что является любовником принца, но хотела понять это хотя бы по выражению его лица.

— Я веду в основном корреспонденцию его высочества, иногда он отправляет меня по личным поручениям в другие королевства для урегулирования государственных вопросов. — Просто ответил секретарь.

Девушка с облегчением вздохнула, но её собеседник даже не заметил этого, так как стал внимательнее наблюдать за игрой, осознавая, что вот-вот проиграет. Адриана хоть и думала совсем не об игре и не успевала продумывать каждый ход, но играла всё же лучше секретаря. За соседним столиком играл граф Монтессо и герцогиня Шепард, а немного дальше от них, ближе к окну, сидел отец Адрианы и принц Чарльз. Девушка не слышала, о чём говорили эти люди, но подозревала,

что речь шла о ней, так как порой отец, сидевший спиной к дочери, оглядывался назад, в её сторону и одновременно что-то проговаривал его высочеству.

— Мсье Джейкоб, а как вы успеваете всё: служить у короля и уделять внимание жене и детям? — Постепенно прощупывала почву дочь герцогини.

— Но, миледи, у меня нет ни жены, ни детей. Судьба ещё не подарила мне встречу с женщиной моей мечты.

— Как жаль. — Раздосадовано произнесла девушка. Но её собеседник тут же исправился:

— Хотя, может, уже и встретил. — Честно признался тот.

— И что же вы намерены делать? — С задором спросила Адриана.

— Но как же я могу надеяться на шанс быть с ней, если не достоин и минуты её внимания. — С горечью в голосе прошептал Джейкоб. Девушка осторожно протянула руку к руке молодого мужчины и коснулась пальцами его пальцев.

— Позвольте этой даме самой решать, кто достоин её внимания, а кто нет. — И когда секретарь поднял на неё глаза, полные надежды и самой безмятежной любви, Адриана почувствовала, как вспыхивает румянец на её бледноватых щеках, но не от смятения и смущения, а от нарастающего желания и тёплого жжения внизу живота.

Переиграв противника не только на картах, но и на словах, Адриана сменила партнёра и оказалась за одним столом с его высочеством. После одной партии девушка выиграла принца и с едва заметным чувством удовлетворения на лице продолжила играть с ним, ведя обычную светскую беседу.

— Я смотрю, вы не любите проигрывать. — Не отрывая взгляда от карт, произнёс принц.

— Но я ведь ещё ни разу не проиграла! — Улыбнулась девушка. Принц засмеялся:

— Да, вы правы. А я что-то не силён в подобных играх. Мне легче разрабатывать стратегию военного боя, чем думать о том, какие у вас карты на руках. Вам нужно будет поиграть с моим старшим братом Теодором, он покажется вам сильным противником. Вы кстати очень похожи.

— Неужели? — Всерьёз заинтересовалась девушка.

— У вас похожие взгляды на жизнь. Вы так же, как и он, знаете толк в дорогих развлечениях, азартных играх. Вы оба любите жизнь и привыкли брать от неё всё.

— Но ведь это хорошо? — С ноткой лукавства заметила молодая девушка.

— Да, конечно. Но везде нужна мера. И моему брату, наследнику престола, иногда стоит вести себя серьёзней и не забывать о том, что в будущем

он станет королём великого государства.

— Но разве вы, ваше высочество, не умеете развлекаться? Сегодня вы доказали, что владеете танцевальным мастерством в совершенстве. — Единственное, что пришло в голову Адриане. На самом деле, она не хотела льстить принцу, так как считала его достаточно скучным для своего возраста.

— Мне пришлось научиться, ради своей жены. — С грустной улыбкой признался Чарльз.

— Как бы мне хотелось познакомиться с женщиной, пленившей ваше сердце. — Искренне проговорила Адриана. Ей действительно было интересно, кто же смог растопить сердце ледяного и непробиваемого мужчины.

— К сожалению, вам не представится такой возможности. Моя жена умерла год назад, во время родов. — За долю секунды Чарльз как будто бы потерял голос; когда он заговорил, тот казался сухим, как зачерствевший хлеб.

— А ребёнок? — С неподдельным изумлением спросила Адриана.

— Ребёнка не удалось спасти. — Видимо, принц не хотел отвечать больше ни на какие вопросы, так как то и дело поглядывал куда-то в сторону, надеясь, что кто-то из присутствующих сможет отвлечь юную особу. Но все были заняты своей игрой.

— Простите, что затронула эту тему. Я не знала. И мне очень жаль. — В смятении чувства произнесла девушка.

Она сочувствовала молодому принцу, который в таком возрасте уже успел пережить такие утраты. Подобно тому, как больно прикасаться рукой к горячей свече, также больно задевать чьи-то чувства и знать, что в этом твоя вина. Поэтому у Адрианы остался тяжёлый осадок на душе после услышанного. Наверное, подумала дочь герцогини, именно поэтому Чарльз был таким неэмоциональным и закрытым. Но принц не стремился продолжать этот разговор и решил переменить тему:

— Если пожелаете, я могу посодействовать вашему браку с Джейкобом. — Неожиданно для Адрианы сказал Чарльз. Она лишь удивлённо вскинула брови.

— Ваше высочество, но с чего вы решили, что я хочу замуж за Джейкоба? — Пыталась как можно мягче говорить девушка, заглушая насмешливость своего тона.

— Значит, вы просто играете с ним? — С вызовом спросил принц. Адриана постаралась скрыть негодование и ответила весьма вежливо:

— Ваше высочество, я очень благодарна вам за участие и доброе отношение к моему отцу, но я бы хотела самой решать, кто станет моим супругом.

— Вы весьма смелая девушка, Адриана. Но раз вы не рассматриваете Джейкоба в качестве мужа, я бы попросил вас не играть его чувствами. Джейкоб — не только мой личный секретарь, но и очень хороший друг. — Принц на этот раз говорил весьма настороженно и даже с некой угрозой. Девушка выдержала на себе его суровый взгляд и ни на секунду не отвела глаз. — Ах да, ещё кое-что. Моё доброе отношение не безгранично и не должно распространяться на вас, несмотря на то, что вы — дочь друга моего отца. — Надменно парировал принц; он открыл карты перед Адрианой и произнёс: — Кажется, я выиграл? — Сдержанно поднялся со стула, едва кивнул девушке и поспешил удалиться за послом и остальными гостями, предпочитавшими посидеть на балконе и выпить по бокалу пьянящего вина.

Адриана сидела на своём месте, не в силах пошевелиться или выдавить из себя хоть какой-то звук. Её как будто бы оглушили слова принца, звучавшие громче, чем музыка, которую играли музыканты из оркестра. Ещё никто в её жизни ни разу не проявлял к ней такой враждебности, как Чарльз. Она вдруг поняла, что безоружна перед этим человеком, которого не сломит ни её начитанность, ни острый ум, ни обескураживающий внешний вид и красота. Досада, разочарование и гнев нахлынули на неё

потоком, отчего девушка даже ругнулась про себя.

Но, взяв себя в руки, Адриана поднялась со стула и направилась к гостям, надев очередную маску, скрывавшую её истинные чувства. Ей не хотелось показывать принцу, что она сломлена, и огорчена словами его высочества. Она улыбалась и принимала активное участие в разговоре, давая понять принцу, что его неприязненность к её персоне и почти прямое оскорбление не возымело никакого действия. Но если он посчитает, что девушка так просто забывает обиды, то он глубоко ошибётся, и ему самому придётся в своё время столкнуться с её безжалостным гневом.

Глава I. Долгожданное путешествие

Из дневников Адрианы:

«После этого вечера мне не представилась возможность пообщаться с принцем, но я была рада этому. Он уехал со своим красавцем-секретарём и графом обратно в Париж, а я, приготовившись к поездке, не потратила много времени на прощание с семьёй. В глазах отца я увидела едва заметные слёзы, мать же ограничилась крепкими объятиями. На ухо она мне прошептала различные наставления по поводу моего надлежащего поведения при дворе

и пригрозила, что если я опозорю свою семью, то за мной без промедления пришлют экипаж, и я навсегда распрощаюсь с жизнью в Туманном Альбионе. Нисколько не ободрившись такими угрозами, я заняла своё место в карете, после чего рядом со мной села моя любимая служанка Бьянка, без которой я ни за что бы не согласилась покинуть Францию. Сопровождаемая несколькими стражниками, я отправилась в путь, оставив позади все страхи и сомнения и впуская в сердце надежду на светлое будущее, ждущее меня впереди.

Отец ещё этим утром сообщил, что через пару дней мы доберёмся до Кале, а там переправимся через море до королевства. В этом портовом городе нас встретит принц Чарльз со своей свитой и будет сопровождать нас до самого дворца, т. к. он нужен своей семье в Йорке. Меня этот факт не особо радовал, но я убеждала себя в том, что в путешествии вряд ли нам с Чарльзом удастся обменяться хоть парочкой слов. Как всегда, уверенная в том, что в дороге меня ждут захватывающие авантюры, я пришла к заключению, что, к сожалению, в нашей жизни порой всё не так радужно, как кажется.

Всю дорогу мою камеристку тошнило, и она высовывала голову из кареты, силясь не вырвать съеденный завтрак. Меня и саму укачивало в шатающейся карете. Дороги были узкими,

ухабистыми. К тому же все комнаты в приличных гостиницах были заняты, так что нам пришлось ночевать в весьма скверных условиях одного из постоянных дворов на полпути к Кале. Но я не теряла надежды на то, что это лишь закалит мой дух и неудачи в начале пути не предвещают неудач в скором времени. Крепко уснув на жёсткой кровати, я провалилась в такой крепкий сон, что проснулась лишь благодаря Бьянке. Умывшись, переодевшись и скудно позавтракав, мы продолжили свой путь.

Сегодняшний день был на радость прохладен и свеж. Лето постепенно впускало в дом осень, стоявшую на пороге. Какой-то маляр разукрасил листья деревьев в яркие пёстрые краски. Солнце часто пряталось за облаками и позволяло бодрящему ветру разгуливать по городам и деревням, по степи и лесам, по которым пролегал наш путь. Скоро должно было стемнеть, но я приказала ехать ещё дальше, чтобы ночью уже прибыть в Кале. Мы с Бьянкой отпускали различные пошлые шуточки, секретничали, шептались и рассказывали друг другу о том, что мечтаем увидеть в Англии.

Время пролетело незаметно, и, оставляя позади лес, мы приближались к городу. Воздух стал каким-то особенно тяжёлым, тучи полностью заслонили серое небо. И я попросила одного из слуг

отдать мне свою лошадь, уступив ему место в карете. Мне ужасно не хотелось ехать в раскачивающемся экипаже, так как меня одолевал рвотный рефлекс. К тому же совсем скоро мне придётся встретиться с этим высокомерным щеголем Чарльзом, так что я хотела предстать перед ним в лучшем свете: сидя на лошади с гордо поднятым подбородком. Стражники что-то бурчали на счёт того, что это может быть опасно, но меня было просто не переубедить.

Почувствовав под собой лошадку, я расправила плечи, держа при этом ровную осанку, и поскакала уверенно рядом с каретой, в то время как Бьянка, выглядывающая из неё, продолжала смешить меня своими непристойными шуточками. Слуги всё слышали: кто-то не мог сдержать ухмылку, остальные же отворачивали смущённые лица и предпочли делать вид, будто ничего не замечают вокруг. Тут, где-то поблизости, мы услышали шорохи, затем приближающийся топот копыт и затем какие-то неразборчивые крики. Всё произошло слишком быстро: я заметила, как за секунду после услышанных криков несколько стрел полетело в нашу сторону: один из стражников, поражённый в самое сердце, упал с лошади. Бьянка, не понимающая, что происходит, через другую секунду тоже упала замертво, так как кто-то попал стрелой ей в голову. Абсолютно растерянная и

испуганная, я посмотрела на стражников, которые не видели в темноте, откуда надвигаются лучники.

Я была в отчаянии. После того, как разбойники осмелились показать свои лица в слабом тусклом свете фонарей нашей кареты и встретились в рукопашном бою со стражниками, я поняла, что наши силы не равны и разбойников куда больше. Разгорячённая услышанным похотливым зазыванием одного из преступников, увидевшим красивую юную девушку, я быстро взяла из ножен Бьянки кинжал и решительно поскакала прочь, решив, что смогу спастись своими собственными усилиями. Но не успела моя лошадка и несколько метров пробежать, как стрела пронеслась у меня под ногами, чуть не задев меня, но, тем не менее, поранив моё бедное животное.

Лошадь силилась всё же отвезти меня подальше отсюда, но вторая стрела нанесла ей смертельный удар. Я успела соскочить с неё, боясь упасть и быть раздавленной убитым животным. В голове отчётливо слышались звуки борьбы, отчего моя кровь вскипела до предела. Мне было очень страшно, впервые в жизни я была в смертельной опасности. Но времени на раздумья у меня не было, я как можно быстрее побежала в сторону мерцающих огней города, надеясь, что преступник, погнавшийся за мной, уже позабыл обо мне.

Листва под ногами беспокойно шелестела и

грозила выдать меня, но я уже как будто ничего не слышала, кроме громких ударов сердца в груди, которое, казалось, вот-вот выскользнет из корсета, обливаясь кровью. Я не видела перед собой ничего, только бежала, так быстро, как могла, цепляясь за ветки деревьев и спотыкаясь о какие-то камни. Не заметив перед собой полено, я ударила больно ногами, и, не удержавшись на них, упала. Кто-то стоял позади меня, я боялась обернуться, но даже если бы сделала это, не увидела бы своего преследователя: так быстро потемнело. Я попыталась нащупать на траве кинжал, но он упал в ту же секунду, как упала я. Да, я безумно боялась, всё моё тело содрогалось как будто бы от рыданий, но я не плакала. Во мне со страхом ожило и совсем другое чувство, прямо ему противоположное: сила. Пускай я была всего лишь слабой и хрупкой юной девчонкой, я была готова бороться, пусть даже до смерти. Мне не хотелось быть никем поруганной, сваленной на этой земле и изнасилованной. Этот разбойник ещё не знает, с кем связался.

— Ну что, красотка, готова поразвлечься? — С задором прикрикнул какой-то мужчина хриловатым голосом и рассмеялся. Я почувствовала, что он стоит совсем рядом.

— Прошу, не трогайте меня. Я так боюсь. — Вяло и испуганно произнесла я, нацепив на себя очередную маску.

— Не бойся, дорогая, я не сделаю тебе больно, будет даже приятно. — Вновь зареготал преследователь, и, поняв, где я нахожусь, протянул ко мне руки. Но, взяв меня за левую руку, он не ожидал, что вместо прикосновения к моей талии ему придётся получить сильный удар кинжалом и на этом я не остановилась.

Я вонзила блестящий нож в его тело ещё несколько раз, чтобы не осталось ни единого шанса, что он снова сможет прикоснуться ко мне. Странная неведомая сила поглотила меня. Казалось, будто я даже стала видеть в темноте: моя жертва стонала и прогибалась к земле. Сиюминутно я повернулась обратно в сторону города и побежала что есть мочи. Платье было длинным, а юбка пышной, что мешало мне бежать, и я опасалась, что, когда дойду до города, на мне и платья не останется.

Подняв повыше его подол, я бежала, хоть сил моих почти не осталось, и не понимала, как вообще смогла преодолеть это. Кале был как на ладони. Через полчаса я дошла пешком, а вернее добежала до самого города. Люди, ходившие в это позднее время по улицам, многое повидали в своей жизни, но думаю, что я смогла их удивить. Красивая и, судя по всему, богатая юная девушка шла в порванном, грязном, но дорогом платье. На руках моих застыла кровь, наверное, я поцарапалась о

кору полена или о ветки деревьев. По моему лицу было ясно, что я пережила настоящий ужас.

Кое-кто принял меня даже за проститутку, но, когда я взглянула на них ледяными глазами, наполненными злобой, ненависти и боли, они отвернулись и зашагали прочь. Ноги ужасно устали и уже подвели меня, т. к. я еле держалась на них. Увидев перед собой вывеску гостиницы «Морской бриз», я подумала, что это мне лишь снится, так сложно было поверить в то, что я всё-таки дошла. Зайдя в бар, я вызвала настоящий переполох среди его постояльцев. Кто-то присвистывал мне, кто-то осуждающе бубнил себе что-то под нос. Я подошла к человеку, стоящему за стойкой, который, судя по всему, был хозяином этого заведения. Он испугался, увидев меня. Видимо, боялся, что я подпорчу репутацию его гостиницы.

— Мадемуазель, вам помочь? — С сомнением в голосе, как будто бы не уверенный в том, что сможет помочь, спросил владелец бриза.

— Да, мсье, я ищу некоего Жана де Пуатье. Он остановился здесь со своими приятелями. — Принц заранее предупредил отца, что заселится в отеле под чужим именем из осторожности. — Мне нужно с ним повидаться.

Хозяин гостиницы обошёл стойку, грубо вытолкнул меня из здания и фыркнул:

— У меня приличное заведение и в нём не

место таким, как ты. — Брезгливо произнёс он. — Мои клиенты не приводят в номера шлюх, так что тебе и твоему Жанну придётся сменить гостиницу.

— Что? По-вашему, шлюха могла бы позволить себе такое платье? — Накричала я, разгневавшись на остолопа. — На мой экипаж напали, это произошло на окраине города, никому не удалось спастись. Я — дочь посла Англии, леди Адриана.

Хозяин бриза внимательно осмотрел меня, удивляясь не моей истории, а скорее тому, что в итоге я оказалась жива и добралась сама до города. Тут кто-то вышел из гостиницы и подошёл к нам. Это был Чарльз. Быть может, его только что разбудили, т. к. вид у него был довольно-таки неопрятный, хотя, как я могу судить, ведь мой вид был гораздо хуже. Увидев мой внешний вид, он не застыл на месте, а лишь подошёл ближе, обеспокоенный тем, что могло случиться.

— Леди Адриана. Что произошло? На вас напали?

Я перевела взгляд на огорошенного владельца гостиницы и освирепела:

— Что же, теперь верите?! — Как же мне хотелось поколотить его. Но Чарльз остановил меня, как будто читая мои мысли:

— Мистер Джонас, будьте добры, подготовьте миледи Адриане отдельную комнату с удобствами,

позаботьтесь о её ужине, предметах гигиены и чистой одежде. — Тот что-то хотел ответить принцу, но он его перебил: — Прошу вас, как можно быстрее. — Джонас незамедлительно удалился, и мы остались наедине. — Так что же случилось, где ваш экипаж?

— За городом, в двадцати минутах езды отсюда. Я не уверена, что от экипажа хоть что-то осталось. — С грустью заметила я. — Разбойники... — В горле начало першить, хотелось промочить его чем-то. — Я думаю, они всех убили. Ваше высочество, могу я вас попросить об одолжении? Не могли бы вы отослать своих людей в то место, чтобы узнать, вдруг кому-то удалось уцелеть. Я не за вещи беспокоюсь, я просто должна знать, выжил ли ещё кто-то, и, быть может, есть ещё шанс спасти раненных. Прошу... — В этот раз я не думала о том, в каком виде предстаю перед этим человеком.

Мне было плевать, что разбойники украли мои вещи, кучу драгоценностей и красивых нарядов. Всё это неважно. Я бы не смогла спокойно спать, думая о том, чем всё закончилось на том злосчастном месте. К сожалению, Бьянку, мою любимую Бьянку уже было не спасти. Но ведь были и другие. Я чувствовала, как к глазам подступили слёзы. Думаю, Чарльз их заметил, но я постаралась сохранять спокойствие и не поддаваться эмоциям.

Он несмело приподнял руку, желая меня, скорее всего, утешить, но я лишь отступила на шаг. И не потому, что мы с этим человеком враждовали, или потому, что я не желала принимать ничьих утешений, тем более, его жалости. Если честно, я просто пугалась любых прикосновений, не в силах забыть о том, что меня чуть не убили и пытались изнасиловать.

— Хорошо, я всё сделаю. Вам следует отдохнуть, привести себя в порядок, вы столько натерпелись за сегодня. Завтра я доложу вам о том, что удалось выяснить моим людям. — Но, услышав это, я имела наглость перебить его высочество:

— Простите, ваше высочество, но завтра, возможно, уже будет поздно и кто-то, оставшийся в живых там, ждёт и надеется, что ему окажут помощь.

— Миледи, вам не о чем беспокоиться, я и не собирался ждать до завтра, чтобы отправлять моих стражников. Я хотел, чтобы вы отправились отдыхать и уже завтра утром смогли, проснувшись, узнать обо всём. — Успокоил меня принц.

— Я бы не смогла уснуть, не узнав о судьбе моих слуг. — Обиженно произнесла я. Конечно, я не нравилась принцу, но считать меня эгоистичной пустышкой, было уж слишком.

Чарльз позвал кого-то, кто, по-видимому, находился совсем рядом с нами, в тени уличного

фонаря, и дал ему указания собрать всех стражников. Затем принц проводил меня в здание, и мы, под свист постояльцев, поднялись на второй этаж, где мне выделили небольшую уютную комнату. Чарльз не намеревался оставлять меня в покое, как будто бы боясь, что если он меня оставит, то со мной обязательно что-то случится. Я же любезно попросила его дать мне немного времени освежиться, так как от меня начало разить грязью и потом.

Принц вышел, закрыв за собой дверь. Я умылась, помыла ноги, сняла испорченное платье, надела серый бесформенный наряд, очевидно, какой-то прислуги и с презрением посмотрела на себя в зеркало. Открыв дверь, я обнаружила, что Чарльз приставил ко мне свою охрану, и, спросив у одного из них, куда отправился принц, мне сказали, что он уехал со стражниками на поиски уцелевших. Я вернулась в комнату и села есть. Несмотря на чувство голода, я не смогла проглотить ни капли супа. Пожевав немного хлеба и отпив неразбавленного вина, я беспокойно смотрела в окно каждые пять минут, как будто бы надеялась, что сейчас передо мной появится его высочество и его стражники привезут моих слуг. И среди них будет моя подруга, добрая и смешная Бьянка, которая значила для меня так много и расставаться с которой я не хотела больше всего на свете.

Все мысли о потере такого близкого человека я попыталась отогнать от себя, так как замечала, что по щекам медленно катятся слёзы. Мне не хотелось плакать, не хотелось быть слабой. Но смерть подруги была такой болезненной, что я не выдержала, и, прижимаясь крепко к подушке, громко разрыдалась. В груди больно щемил какой-то орган, и мне даже почудилось, что там кровоточит рана. Как будто бы не я поразила своего насильника кинжалом, а он меня. Проплакав долгое время, я постепенно теряла последние силы и была близка к тому, чтобы уснуть, если бы не топот приближающихся лошадей.

В полудрёме мне даже показалось, будто я снова сижу верхом на лошади и прислушиваюсь к шорохам. И мне стало вновь так больно, что я выдавила из себя лишь болезненный возглас, лишившись способности плакать. Поднявшись с кровати, я подошла к окну и увидела Чарльза. В свете уличных фонарей он казался мертвенно-бледным. И хоть взгляд его глаз был непроницаемым, я постепенно начала понимать, что принц способен и на другие чувства. Он лично отправился на поиски людей, а это было опасно. И хоть его доброе отношение не распространялось на меня, он всё же позаботился обо мне и выполнил мою просьбу.

Возможно, он всё это делал лишь из

благодарности моему отцу, но для меня это не имело никакого значения. Принц Чарльз оказался благородным человеком, и мне даже стало стыдно из-за того, что я так презирала его. За ним следовало множество стражников, они также привезли сюда мою карету. Но внимательно наблюдая за Чарльзом, я поняла, что они приехали с мертвецами. Дрожа от сожаления и боли, я вспомнила широко раскрытые глаза Бьянки, когда её поразили стрелой. Мороз прошёлся по моему телу, и я вновь почувствовала, что теряю силы, поэтому села на стул. Услышав стук в дверь, я попросила стучавшего войти.

Чарльз сидел рядом со мной и что-то говорил мне, докладывая о том, что они искали восемь людей и нашли девять мертвецов. Услышав это, я крепко сжала руку в кулак, боясь не расплакаться прямо на глазах у принца.

— Мы похороним их по-христиански, можете не волноваться. На счёт девятого найденного... Девятый был разбойником. И его тело было дальше места происшествия. — Осторожно заметил он.

— Да, ведь это я его убила. — Спокойно произнесла я. — Он пытался меня изнасиловать.

Его высочество и до этого был поражён, когда услышал о произошедшем несколько часов назад, но сейчас я, видимо, привела его в крайнее изумление.

— Простите, миледи, что принёс вам плохие новости. Мне очень жаль ваших людей... — С сожалением в голосе сказал Чарльз.

— Я благодарю вас, ваше высочество за всё, что вы сделали. Я знаю, что не достойна всего этого и ваше доброжелательное отношение не распространяется на меня, но я хочу верить, что смогу изменить ваше отношение ко мне. — Всё, что смогла сказать ему я.

Я не могла понять, что же теперь на душе у Чарльза. Он почти никогда не выдавал своих чувств, сдерживал любой чувственный порыв. И после произнесённых мною слов, я не заметила почти никаких изменений на его лице, хотя рассчитывала, что принц закончит нашу беседу на положительной ноте, и мы сможем позабыть о прочих неудачах в свете новых событий. Но он лишь поклонился мне, так как не в силах был ничего ответить, встал, отошёл к двери и нерешительно повернул голову.

— Я лишь хотел спросить, миледи...

— Да. — Тонким голоском произнесла я, смущаясь от того, что только что сказала принцу.

— Как вам удалось? — Просто спросил он. Я без раздумий ответила:

— Помнится, вы говорили, что я люблю жизнь. — Ответила я.

Его высочество пожелал мне спокойной ночи

и удалился, оставив меня в одиночестве, обессиленную и сокрушённую, потерявшую дорогую подругу. Уже завтра меня ждёт другое королевство, а я буду абсолютно одна, вынужденная рассчитывать лишь на свои силы. Не снимая одежды, я легла в постель, потушила свечу и попыталась уснуть. Одиночество, должно быть, могло бы меня сломить. Но, хорошенько подумав о случившемся, я поняла, что меня уже ничто не сломит. И я поеду в Англию, буду там счастлива и осуществлю мечту Бьянки: найду себе богатого и красивого мужа. И с этими мыслями я уснула.

Утром я проснулась с невыносимой головной болью. В комнате было довольно-таки холодно, и вылезать из кровати совсем не хотелось. Всё произошедшее вчера казалось каким-то эфемерным сном, слабо напоминающим реальность. И только синяки и боли в суставах напоминали о том, что это происходило наяву. Приводить себя в порядок мне не было нужды: у меня не было абсолютно ничего, кроме чужого платья прислуги. Но даже это не портило мою красоту. Бледноватый цвет кожи был сейчас не редкостью и во Франции пользовались даже различной пудрой, чтобы добиться эффекта «фарфоровой кожи». Так что, убедив себя, что выгляжу я прекрасно, я вышла из комнаты и спустилась вниз, заказав себе завтрак.

Просить денег у его высочества я просто не

могла себе позволить, поэтому, оторвав от испорченного платья, несколько драгоценных камушков, я попросила хозяина гостиницы взять один из них в качестве оплаты за предоставленные услуги. Но он сказал, что Жан де Пуатье уже позаботился обо всём. С утра людей в баре было не так-то много, так что я решила позавтракать здесь, и, сев за столик у окна, я принялась с жадностью и аппетитом уплетать ячменную кашу и просяные лепёшки. Погрузившись в раздумья, я не заметила, как ко мне кто-то подошёл. Когда молодой мужчина заговорил, я даже вздрогнула от неожиданности:

— Простите, миледи, не хотел вас напугать. — Сказал Джейкоб, секретарь короля Англии. — Можно к вам подсесть? — Я одобрительно кивнула, и тогда он сел напротив меня. Через мгновение ему принесли такой же простой деревенский завтрак, но он пока не собирался прикасаться к еде. Этот красивый парень неуверенно осмотрелся по сторонам, как будто бы боясь, что нас кто-то услышит. — Леди Адриана, я узнал о вчерашнем происшествии. Мне очень жаль. Как вы?

— Спасибо, господин Джейкоб. Вы знаете, мне до сих пор трудно поверить в случившееся. — Честно высказалась я.

— Понимаю... Когда его высочество сказал

мне вчера об этом, я тоже не мог поверить. Всё это так ужасно. Но вы, миледи, снискали уважение всех подданных принца и его самого! Адриана, все до сих пор говорят о проявленной вами смелости. Я восхищён вами. — На грани чувств восторгался мой собеседник. Но я почти не слышала последних слов, так как меня возмутили совсем другие слова Джейкоба.

— Так вы знали? — Удивилась я.

— Да, принц Чарльз вчера зашёл ко мне в комнату и попросил в связи со случившимся написать вашему отцу, сообщить обо всём и попросить его отослать другие ваши вещи в королевский дворец. — Сочувственно говорил он.

— Господин секретарь, вы меня как громом сразили своими словами. — Выпала я со злостью. — Вы узнали обо всём ещё вчера и только сейчас осмелились ко мне подойти?! — Мне было действительно невдомёк, как этот человек, который чуть ли не в первый наш день знакомства признался мне в любви, держался в стороне, тогда как я, собирая по крупичкам остатки своих сил, сидела и ждала новостей об уцелевших. Конечно, от секретаря не требовалось, чтобы он сопровождал стражников в таком опасном путешествии, но, тем не менее, я надеялась, что он проявит ко мне хоть малейшее участие, поддержит, ободрит.

— Да вы же просто трус! — Зашипела я,

удивляясь тому, что только что сказала. От прошлой симпатии к этому человеку почти ничего не осталось, тлеющие угольки прошлых чувств развеяло лёгким дуновением летнего ветра, когда кто-то открыл дверь в гостиницу.

— Миледи, но я не знал, как к вам подойти. Я думал, вы хотите побыть одной. — Неуверенно прошептал мой воздыхатель в смятении чувств.

— Одной? Но я уже одна, я осталась совершенно одна. — Я сделала глоток воды, чтобы заглушить усиливающееся чувство ненависти. — Но я не ожидала, что в такой ситуации вы проявите себя с такой стороны, Джейкоб, а я так надеялась на вашу дружбу. — Встав со стула, я отвернулась от растерянного молодого мужчины и ушла в свою комнату.

Мне не хотелось ни разговаривать с ним, ни видеть его. Этот человек был мне омерзителен, хотя, по сути, он не сделал ничего плохого. Просто я, видимо, мало что понимала в любви, раз подумала, что Джейкоб меня любит. Меня обидело то, что человек, который так сильно восхищался моей красотой и умом, который, как мне показалось, был слепо в меня влюблён, в минуты моей слабости не оказался рядом. Когда я зашла в комнату, то мне хотелось выплеснуть свою злобу на чём-то, но под руку ничего не попадало. Было тяжело осознавать, что в этом мире, мире мужчин, я

не могла рассчитывать ни на чью помощь. Присев на край кровати, я только сейчас обратила внимание, что на ней лежит красивое зелёное платье из шёлка, украшенное оригинальной вышивкой и драгоценными камнями, и новенькие туфельки из парчи, обшитые нитями из серебра. Поразившись такой красоте, я не сразу сообразила, что это мне.

Другим вопросом, которым я задавалась, был вопрос «кто же мне его подарил?». Было глупо надеяться, что мой недолюбовник Джейкоб смог купить для меня такое платье. Я долго не спрашивала себя, имею ли я право принимать такой дорогой подарок. Быстро переоделась в обновку и стала рассматривать себя в большом зеркале. Солнечные лучи пробивались в комнату и освещали меня, моё зелёное платье, которое переливалось всеми цветами радуги на солнце. В сердце сразу стало тепло, несмотря на весь тот ужас, который мне пришлось пережить.

Улыбаясь и радуясь собственной совершенности, я услышала стук в дверь и, не думая, сказала «войдите». Это был принц. На секунду зрачки его глаз расширились, но уже вскоре он овладел собой и кивнул в знак приветствия. Я была рада его видеть, и не старалась скрывать своих чувств, поэтому подарила ему одну из своих прекрасных улыбок и присела в реверансе.

— Доброе утро, миледи. Надеюсь, вам понравился подарок? Я написал вашему отцу, чтобы он выслал вам одежду и прислугу, так что, когда мы прибудем во дворец, скорее всего, всё уже прибудет. Но мне не хотелось, чтобы такая красивая девушка... — Он осёкся, подумав, что уж слишком смягчился в тоне и поправил себя: — Я не хотел, чтобы вы предстали перед придворными в платье служанки. Первое впечатление очень много значит.

— Благодарю вас, ваше высочество, вы были очень добры ко мне. Это платье невероятно красивое! — Радостно залепетала я. К тому же оно было слегка тугим мне в талии, что уже само по себе увеличивало размер моей не столь большой, но упругой груди. Два пышных холмика выглядывали из выреза платья и сразу привлекали к себе внимание. Так что даже принц Чарльз, для того, чтобы удостовериться в моих словах, прошёлся глазами по всему платью и смущённо отвёл взгляд, когда заметил этот вырез. — Когда мы отправляемся в путь?

— Если вы готовы, то прямо сейчас. Нас ждёт корабль на пристани.

— Тогда едем. — Нетерпеливо заявила я, забрала мешочек со своими драгоценностями и вышла с принцем из комнаты. Мы покинули гостиницу, сели на лошадей и в сопровождении

многочисленных стражников и слуг по пути остановились на кладбище, где я попрощалась со своей подругой. Я не знала, где была похоронена Бьянка, но словно чувствовала, где было это место. Присела над одной из могилок и прошептала: «Я всегда буду помнить тебя. Никогда не забуду твоей доброты и дружбы. И буду счастлива, ради нас обеих». Солнце подарило нежный луч земле, где покоилась моя хорошая подруга и, я, подумав, что это маленькое чудо, почувствовала теплоту, разливающуюся быстрой рекой в моей груди. Я возвратилась к стражникам, а затем мы отправились на пристань.

Моя каюта была очень маленькой, из мебели там размещался лишь платяной шкаф, кровать и тумбочка. Но мне и этого было достаточно. Я почти не сидела в каюте, а выходила на палубу и наслаждалась освежающим морским бризом. К тому же в таком великолепном наряде я заставляла всех матросов, капитана и даже стражников принца оборачиваться и глядеть на меня во все глаза: я смеялась, кокетливо улыбалась им и позволяла пожирать себя взглядом.

Уже ночью я сидела верхом на одном из помощников капитана и задыхалась от нехватки воздуха в груди. Два тела, слитые воедино, содрогались как будто бы в судорогах, лоя невообразимые ощущения. И, так как у меня не

было с собой специального мешочка из очищенных кишок овцы, которые делала для меня Бьянка, мне пришлось в самый волнительный момент прекращать соитие. Чувствуя некоторый дискомфорт и разочарование от того, что не получил того, чего хотел, мой партнёр не стал долго лежать в моих объятиях и оставил меня одну. Я была только рада этому, ведь к концу дня почувствовала, что нестерпимо хочу спать. Уснула я с мыслью о том, что, возможно, я буду не одна в Англии. И пусть наши взаимоотношения с младшим принцем далеки от идеала, но я знала, что он придёт мне на помощь в случае необходимости. Удовлетворённая этим открытием, я погрузилась в глубокий сон».

Глава II. Возвращение домой

Обычному человеку путешествие до портового города Гуль из Кале показалось бы бесконечным, но только не для Адрианы. Эта девушка могла скоротать время так, что все неудобства и трудности поездки растворялись как по волшебству. В каюте-компании, когда все собирались по вечерам к ужину, Адриана была украшением, манившим своей яркостью каждого присутствующего. У неё было лишь одно платье, но даже в нём она умудрялась никому не наскучить, и

каждое её появление проходило под аплодисменты и зазывающие свисты команды корабля.

Адриана нравилась всем: каждый старался угодить ей, посвятить какую-то песню, пригласить её на танец, сделать ей комплимент. Девушка пыталась всем уделять внимание, но даже, несмотря на это, каждый из матросов её ревновал, завидовал своему товарищу, считая, что Адриана отдаёт предпочтение не ему, а кому-то другому. Сложно было поверить в то, что ей нравились все. Но это действительно было так.

Хотя всё было гораздо запутаннее. Вряд ли девушка видела в каждом из этих мужчин отдельную личность, она скорее любила толпу, которая ею восхищалась и отвечала взаимностью каждому члену экипажа. Она не всматривалась в лица, не вслушивалась в слова людей, для неё все они были одинаковыми. Для них она — была богиней, идеально-выточенной статуей, до которой можно дотронуться, которую можно любить. И она любила, любила почти каждого из них. Каждую ночь воздух в её каюте наполнялся запахом пота человеческих разгорячённых тел, стонами, вздохами, выдохами облегчения. Конечно, каждому из них она твердила, что он — один такой, особенный, и что их тайну он должен беречь под страхом смерти. Она даже давала кому-то надежды на то, что у них, быть может, есть шанс быть вместе

в будущем, но как только этот человек уходил, она забывала обо всех обещаниях, ложилась на ещё тёплую постель и засыпала.

Такая жизнь вполне устраивала юную девушку: она не хотела тратить время впустую, не хотела не попробовать испытать хоть какие-то чувства. Девушка знала, что когда-то ей придётся стать женой какого-то богатого герцога или графа. Она не была уверена в том, что этот герцог будет красив и молод, а также будет добр к ней и учтив. Много историй о семейной жизни ей поведала подруга Бьянка, в которых очень редко имело место чувство любви между супругами.

Адриана была готова принять все повороты судьбы, она бы ни на что не жаловалась, ни в чём никого не упрекала, она не собиралась бы ничего менять, так как это было бы просто пустой тратой времени. Она родилась в то время, когда изменить уже ничего было нельзя. Но она не боялась, не гневалась на Бога, а просто принимала тот факт, что вскоре ей придётся выполнить свой долг. Да, именно так она это называла. Но вместе с тем девушка не собиралась лишаться простых человеческих радостей жизни.

Она была счастлива, пусть даже другие бы сочли её похождения за жалкие попытки обрести любовь. Ей было всего 16, но уже сейчас она была уверена в том, что вряд ли за всю её жизнь ей

удастся полюбить хоть какого-то мужчину. Любовь — это удел бедняков, лишь они могут себе позволить жениться по любви. Люди же с достатком лишены были такой привилегии, они выбирали жён и мужей по принципу наибольшей выгоды для себя и своей семьи. Адриана не только верила рассказам Бьянки, но и воочию убедилась в подобном, т. к. видели своими глазами, что её собственные родители лишены всякого тёплого чувства друг к другу.

Но девушка всё ещё предпринимала попытки, искала хоть подобие великого чувства, о котором так много говорят и пишут. Она надеялась, что те, кто её так сильно любит, сможет её научить этому искусству. Но пока никому из её поклонников этого не удалось. Видя неподдельный восторг и блеск в их глазах, когда они смотрели на неё, она им завидовала, ведь никогда ещё не испытывала такого.

Но это отнюдь не так сильно огорчало Адриану, как могло бы огорчить любую другую девушку. Ей нравились и другие формы любви, пусть даже церковь их считала греховными. То удовольствие, которое она получала от соприкосновений с мужскими крепкими телами, было ни с чем несравнимо. Иногда ей, конечно, казалось, что мужчины ничем не отличаются друг от друга, но всё же некоторые из них открывали ей

небольшие секреты любовных утех, которые могли разнообразить и без того насыщенную сексуальную жизнь девушки.

Иногда Адриане было трудно оставаться осторожной, и умоляющие мужчины несколько раз чуть было не заставляли её идти до конца. Но какая-то неведомая сила побуждала девушку останавливать процесс, так как ей не хотелось забеременеть. Только слепец не мог не заметить, как сияла девушка, как она расцветала, словно бутон розы, с каждым новым днём.

Принц Чарльз видел это, но делал вид, будто не замечает ничего вокруг, поворачивал голову всякий раз, когда кто-то из его подданных или членов команды флиртовал с девушкой; он делал это так же, как когда-то делали слуги Адрианы, слушавшие похотливые шуточки Бьянки во время их поездки в Кале.

Можно было предположить, что девушка совсем забыла об утрате, но это было не так. Она никогда ни перед кем не плакала, даже перед своими любовниками. И лишь, оставаясь наедине с собственными мыслями, девушка прятала голову в подушку и заливалась слезами, омывающими её ещё свежие раны. С каждым рыданием ей как будто бы становилось легче, но она обманывала саму себя. Эти раны, может, и заживут в своё время, но они никогда не исчезнут бесследно, а останутся с

ней до самой смерти.

В долгом путешествии девушке нечасто удавалось пообщаться с принцем. Иногда ей казалось, что он её избегал, иногда она просто забывала о нём, предаваясь сладостным постельным утехам с молодыми людьми. Постепенно Адриана смирилась с мыслью, что и во дворце они вряд ли будут видеться часто, поэтому больше не прилагала усилий, чтобы понравиться ему. Видимо, это было просто невозможно. Она видела его осуждающий взгляд, замечала, как он поспешно отворачивался, словно противился даже внешнему виду этой красотки.

Впервые, мужчина относился к ней так. Ни красота, ни ум, ни даже проявленная сила не покорила этого человека. Единственное, что было любопытно Адриане, так это то, как Чарльз вёл себя с другими женщинами. Ведь немала вероятность, что после смерти жени и ребёнка он просто утратил всякую способность наслаждаться обществом женщин и любить их. Девушка даже не думала соблазнять Чарльза, и не потому, что он был принцем королевской крови, а она — всего лишь дочерью посла, она его воспринимала по-другому.

Для неё он был как будто бы каким-то зверьком, за которым хотелось наблюдать. Она никогда ещё не встречала в своей жизни таких людей, как он. Она хотела бы иметь при себе

какой-то инструмент, позволяющий ей вскрыть тело этого человека и узнать, что же там находится, какова его душа и сердце. Её несколько обижало то, что он не пленился её божественной красотой, но от этого он не становился менее интересным для неё. «Интересно, а его брат действительно так похож на меня?» — смаковала ожиданиями девушка. Ей уже не терпелось оказаться в центре придворных интриг и королевских заговоров.

Высадившись в городе Гульль, путешественники сели по лошадям и отправились в Йорк. Им приходилось останавливаться для ночлега в постоянных дворах или гостиницах, т. к. ночью ездить никто больше не осмеливался. Джейкоб, всё это время ходивший по пятам своего хозяина — принца, боялся даже поднять глаза на Адриану. Он знал, что был виноват перед ней и не имел достаточно смекалки, чтобы сообразить, как можно искупить вину перед этой девушкой. Поэтому, когда они сталкивались, молодой мужчина вёл себя, как провинившийся ребёнок: замолкал и разглядывал свои ботинки. Адриана же не собиралась прощать его, поэтому и позабыла о недавнем желании заполучить Джейкоба в любовники.

Через несколько дней они добрались до Йорка, любимой резиденции короля Генриха, отца Чарльза. Прибыв во дворец, девушка убедилась в

том, что теперь её жизнь будет наполнена смыслом. Огромное пятиэтажное здание, построенное из белого песчаника, было таким высоким, что Адриане казалось, как будто бы оно достигает самих облаков, касающихся остроконечных башен. Фасад дворца был украшен колоннами, балюстрадами, различными скульптурами и памятниками.

Конечно, в английской архитектуре преобладали чёткие линии и сдержанность форм, но всё же английский дворец короля произвёл большее впечатление на Адриану, чем королевский замок в Париже. Южную сторону дворца омывала река, доносившая до стен здания не совсем приятный аромат. Но и эта условность не смогла огорчить Адриану. Она шла по просторным комнатам дворца, вдыхая в себя прохладный английский воздух и сырость стен, считая, что так она становится частью «этого мира».

Её провели в тронный зал, где королева и король ежедневно принимали гостей, приехавших издалека и просящих их помочь им в том или ином деле. День подходил к концу, но людей в зале, казалось, не становилось меньше. Ожидая в сторонке, Адриана издали наблюдала за восседающими на троне правителями Англии.

Генриху в то время было уже больше сорока лет, но лишь лёгкая седина у корней волос

сообщала об этом. В остальном, государь выглядел молодо и был хорош собой: едва заметные морщины в уголках глаз и меж бровей лишь украшали его итак красивое лицо и придавали ему налёт мудрости и задумчивости. Иссиня-чёрные волосы и карие глаза, обретающие на свету ореховый оттенок, делали его ещё более привлекательным в глазах Адрианы. Красный бархатный камзол со светлыми рукавами в красную полосу скрывали весьма рельефную фигуру.

Перстни с драгоценными камнями почти на каждом пальце рук лишь подтверждали высокий статус особы, носившей их. Слева от него сидела его жена. Светлые волосы с рыжеватым отливом были заплетены в косу и спрятаны под чепец. Из-под рукавов платья выглядывали бледные хрупкие руки, изящные, но неестественно-тонкие. Складывалось впечатление, будто королева больна. Но лицо женщины не выражало никаких эмоций, как будто она впала в глубокий сон, и лишь открытые глаза делают видимость её присутствия в зале. Ворот тяжеловесного синего платья королевы был покрыт узорами золотой ткани, длинный шлейф украшали бриллианты и сапфиры. Нижняя юбка, открывающаяся благодаря расходящимся полам платья, была из светлого атласа, украшенного витиеватой вышивкой из камней.

Миниатюрные туфельки были такими

комплиментом, а королева протянула девушке руку для поцелуя. Когда Адриана приподнялась, пошла к ней и поднесла губы к её руке, она уловила резкий аромат духов, из-за которого чуть было не задохнулась. Но сдержавшись, она поцеловала руку королевы, и ещё раз поклонилась в знак оказанной чести.

— Мы очень рады вам. Посол всегда желанный гость в нашем дворце. С сегодняшнего дня вы становитесь моей фрейлиной, вам выделяют место в покоях фрейлин и жалование. — Королева показала жестом руки, что Адриана может быть свободной, как будто бы она иссякла и больше не может раздавать милости всем подряд. Девушка поблагодарила свою госпожу и отошла в сторону, чувствуя затылком зачарованный взгляд короля, рассматривающего вид девушки «сзади».

После приёма гостей супруги направились в свои покои, чтобы переодеться к ужину. Адриане выпал шанс одевать королеву. Когда она снимала с Сесилии верхние платья, то успела невольно заметить, что резким запахом духов королева, видимо, пытается скрыть своеобразный запах своего тела, запах пота, характерный для стареющих людей. Эта женщина, хоть и была такого же возраста, что и мать Адрианы, старела гораздо быстрее и, вероятно, уже не привлекала ни своего супруга, ни любого другого мужчину в

королевстве. Дух девушки замер от одной мысли о том, что и она когда-то станет старой и никому ненужной.

В зале для пиршеств собралось, по меньшей мере, сорок человек. Каждый занимал место за определённым столом, где сидели люди такого же социального статуса. Адриана села рядом с другими придворными королевы, особами весьма разговорчивыми и добродушными. Её сразу начали расспрашивать о традициях и порядках французского двора. Она едва слышала вопросы в гуле толпы людей, заполняющих зал, но старалась отвечать каждому.

Вино лилось рекой, блюда менялись без конца, и уже через несколько минут Адриана почувствовала такое умиротворение, словно именно здесь было её место. Девушка была так увлечена разговором с придворными, что не сразу заметила, как двое принцев присоединились к ужину, сев рядом с родителями. И, когда она всё-таки взглянула в их сторону, ещё долгое время не могла отвести взгляда от них. Девушка впервые увидела старшего брата Чарльза, принца Теодора, о котором так много слышала. Но даже в своих самых светлых снах она не видела такого красивого мужчины, как он.

Точная копия отца — Тео был темноволосым кареглазым мужчиной мощного стана, с длинными

ресницами угольного цвета, золотистым оттенком кожи, говорившем о том, что он недавно побывал на юге. Высокий рост, важная осанка, прямой нос с небольшой горбинкой — он был, как будто бы рождён для того, чтобы править сердцами людей. И даже если бы он был одет в простой крестьянский наряд, то по праву считался бы самым красивым человеком на всём белом свете. Заворожённая и пленённая Аполлонской красотой наследника престола, Адриана не сразу отреагировала, когда какая-то из фрейлин задала ей очередной вопрос. Проследив за внимательным взглядом сияющих глаз Адрианы, девушки переглянулись между собой и тихо засмеялись.

— И ты тоже. — Понимающе улыбнулась дочери посла Камилла, симпатичная пышнотелая блондинка, племянница какого-то аристократа. — У нас весь двор влюблён в принца Теодора. Даже мужчины. — Лукаво произнесла девушка. — Но ты ни на что не надейся, принц не женится ни на одной из нас, ему в жёны готовят принцессу Изабеллу, дочь испанского короля. — Грустно вздохнула девушка.

— И когда свадьба? — С интересом спросила Адриана. Она даже не мечтала о том, чтобы стать женой принца королевской крови. Но ведь от соблазнения принца никто бы не пострадал.

— Не раньше следующего года. Малышке ещё

даже не исполнилось 14 лет. — Сообщила фрейлина.

«Тогда у меня есть ещё время», — усмехнулась девушка своим коварным планам и продолжила общаться с новыми подругами, иногда поглядывая на свою мишень.

Когда за окном сумраки окутали небо и все жители дворца легли в постель, Адриана спряталась под одеялом. Перед глазами всплывало лицо старшего принца с идеальными чертами, выточенное как будто бы из бело-молочного мрамора для того, чтобы украшать этот мир и приносить в человеческие жизни счастье. Когда она думала о нём, по телу пробегали солнечные зайчики, перенося тепло от кончиков пальцев ног до рук. «Так хочется дотронуться до его лица, так хочется, чтобы его грубые властные руки прижали тебя к стенке, а его губы, алые, как лепестки розы, впились в твои нежные, розовые, и покрыли каждый участочек твоего тела поцелуем», — мечтательно подумала девушка и ещё долго не могла уснуть, блуждая в потаённых уголках своей души. Но всё же последней мыслью перед тем, как она уснула, была мысль о том, что она рада находиться здесь, в Англии. Она была рада вернуться домой, ведь теперь жизнь, казалось, обрела смысл.

Глава III. И карты розданы, и сердце неприкрыто

«Через пару дней я смогла привыкнуть к общему распорядку дня, ко всем своим обязанностям, хотя я их таковыми не могла назвать. Мы помогали Сесилии одеваться, расчёсывали ей волосы, укладывали их в причёску, разговаривали с ней, ходили с ней на мессу, вместе читали, шили, ходили по парку, отправлялись на различные празднества. Всё выглядело так, как будто Сесилия — наш маленький ребёнок, за которым мы были должны присматривать. Но ребёнок этот был не обычный, а из королевской семьи, поэтому мы обязаны были думать, что Господь сжалился над нами, простыми смертными, и позволил нам нежиться в тени королевы, прятаться под её крылышком. Но я и не жаловалась, я была абсолютно уверена в своей удаче и благодарила судьбу за такой поворот событий. Одежду, различные украшения и золотые монеты доставили ко мне вовремя. Мне хотелось выделиться из толпы придворных, обратить внимание старшего принца, хотя такой случай мне ещё не представился. Нас даже не познакомили, мы не говорили друг с другом, и я вообще подозревала, что он не знал о моём существовании, так что я довольствовалась тем, что купалась в пучинах собственных сахарных

грёз.

Однажды днём, во время одного рыцарского турнира, королеве стало так жарко, что она попросила меня принести ей её любимый веер, в то время как слуги приносили ей воду каждые десять минут. И тогда я столкнулась в коридоре с принцем Чарльзом. На мне было нежное воздушное розовое платье из льна, светлые туфельки с крошечными бантами в тон платью. Несколько прядей волос я закрутила с помощью разогретой кочерги, и они беспокойно разветвлялись при ходьбе. На улице, в самом деле, было очень жарко, так что щёки у меня сделались розовыми. Губы я покрасила тонким слоем бальзама, отчего они у меня обрели неповторимый персиковый оттенок. Я долгое время возилась перед зеркалом, и, видимо, не зря, так как даже Чарльз, увидев меня, не смог сдержать мгновенного порыва страсти, промелькнувшей в глазах. Я вовремя спохватилась, вспомнив, кто передо мной стоит, так как не смогла бы сдержать ухмылку.

— Миледи Адриана, рад вас видеть. — Произнёс принц.

— Это взаимно, ваше высочество. — Присела перед ним я, чувствуя, как его дыхание учащается, хотя он стоял не слишком близко от меня.

— Я смотрю, вы быстро освоились. Хотя я даже не сомневался. — Честно признался он. Он

немного помолчал и, вспомнив что-то важное, добавил: — Помните, я говорил вам о свитке? Не хотели бы вы взглянуть на него?

Я даже вздрогнула от неожиданного предложения:

— Конечно, ваше высочество! Я была бы несказанно рада. — Засияла я, совсем забыв о поручении, данном мне королевой.

— Тогда прошу за мной. — Чарльз хотел было подать мне руку, чтобы я могла опереться на него, но через секунду передумал и просто зашагал рядом со мной, проводя в библиотеку.

В этой части дворца мне ещё не доводилось бывать. Тёмный кабинет был обставлен дорогой итальянской мебелью, а сразу за ним следовала большая комната с высокими книжными шкафами, полностью забитыми книгами. На некоторых из них держалась пыль, что говорило о том, что в последнее время редко заходили в эту комнату. Видимо, в королевской семье мало кто мог позволить себе тратить время на чтение книг. Зайдя в эту сырую, непроветриваемую комнату, я почувствовала озноб по коже. Но, сумев разглядеть за стёклами шкафов книги с твёрдым позолоченным переплётом, я только ахала от осознания того, что стою в библиотеке, которая, по моему скромному суждению, была наибольшей библиотекой в мире.

Чарльз не мешал мне наслаждаться увиденным и восхищаться каждый раз, когда я проходила мимо очередного книжного шкафа. Но мы прошли дальше, где было совсем темно, и тут пригодился факел, взятый принцем предварительно. Мы подошли к старинному антикварному столику с железными ножками, на котором были разбросаны всякие свитки. Чарльз попросил меня придержать факел, в то время как сам пытался найти подходящий документ. Отодвинув в стороны ненужные свитки, он бережно разместил нужный посередине стола, чтобы мы оба могли его видеть перед собой. Коленки подкашивались, и я думала, что вот-вот упаду на пол от радости, захлестнувшей меня целиком.

— Неужели, это оно? Этот тот самый свиток, который уцелел после пожара Александрийской библиотеки? — Я ликовала и возбуждённо шептала принцу свой вопрос, так как боялась, что мой голос может как-то испортить этот хрупкий предмет даже своим звучанием. Но принц лишь засмеялся, а я чуть было не шикнула на него, но в последний момент остановила себя, смутившись.

— Это лишь предположение, миледи. Ведь я не смог его расшифровать. — С досадой ответил он.

— Но что вам говорил монах? — Взволнованно затрепетала я.

— По его словам, этот свиток привезли в

Англию из Рима, как многие другие документы, уцелевшие после пожара. Но хранить его в монастыре монах не осмелился, он боялся, что об этом узнают. Более того, его могли отлучить от церкви, ведь никто не знает, что за тайну хранит в себе этот свиток. Он может быть частью языческой культуры.

Рассматривая внимательно свиток, я замечала на нём линии и завитки, которые, должно быть, являлись частью иероглифов. Но сами символы как будто бы вошли вглубь пергамента. Я чувствовала, как возбуждение внутри меня нарастает с новой силой, думаю, это было видно со стороны, так как принц всё время улыбался, глядя на меня.

Странно, но в этой комнате, вдали от целого мира и людей, мы были как будто бы едины, мы понимали друг друга без слов и разделяли любовь к одним и тем же вещам. Маска принца как будто бы упала с лица, как только он переступил порог библиотеки. Для меня это было новое открытие: этот человек всё ещё жив, где-то, быть может, очень глубоко внутри этого тела, но всё-таки жив. Но я не задумывалась тогда об этом, т. к. заморожено смотрела на свиток, боясь даже дышать на него.

— Ваше высочество, а как же книги? У вас огромная библиотека. Разве здесь нет книги одного из хранителей библиотеки, который описывает её

достояние? — Попыталась помочь я.

— Каллимах, один из хранителей музея, оставил после себя каталог работ, хранившихся в библиотеке. До нас этот многотомник не дошёл, к сожалению. Но у меня есть работа малоизвестного арабского учёного, описывающего эти книги Каллимаха. Быть может, это нам поможет? — С надеждой спросил Чарльз.

— Это лучше, чем ничего, — кивнула ему я. Чарльз ушёл, оставив меня одну. Я смотрела ему вслед, и лишь сейчас задумалась о том, как мы вдруг переменялись друг к другу.

Нас раздирало на части, и в попытке найти истину, раскрыть какую-то тайну, мы сблизились, хоть до этого ни разу ещё не говорили после моего приезда в Йорк. Я долго смотрела ему вслед, забыв о том, что держу в руках факел. И когда принц вернулся, он сначала произнёс: «Я не нашёл её», а затем выкрикнул:

— Адриана, вы его спалите!

Я испуганно посмотрела на руку, держащую факел слишком близко к свитку.

— О Боже! — Я второпях отодвинула источник света и внимательно посмотрела на пергамент, боясь, что как-то смогла навредить ему.

Но увиденное мною вызвало такие чувства, какие нельзя было сравнить ни с одними из тех, которые мне довелось испытывать. Я увидела, как

линии и завитки преобразовались в символы, судя по всему, язык древних египтян. Чарльз стоял рядом со мной и тоже это видел, иначе я бы подумала, что от тусклого света факела мои глаза уже видят невесть что и воображение рисует того, чего не было на старинной бумаге.

— Как вы это сделали? — Посмотрел на меня принц таким ошеломлённым взглядом, будто я была какой-то ведьмой. Я поняла этот взгляд и постаралась его убедить в неправильности сделанных им выводов:

— Нет, ваше высочество, я ничего не делала, клянусь, — я сама на мгновение засомневалась в своих словах, так как эти иероглифы появились как будто бы по велению моего сердца. — Я лишь держала факел над свитком и всё. — И тут мы оба посмотрели на этот объект. — Может, это огонь так воздействует на свиток?

— Я читал о том, что в античности люди часто использовали невидимые чернила, но не думал, что столкнусь с подобным явлением. Так что всё может быть. Ведь существование этого свитка чудо само по себе... — Поверил мне Чарльз.

— Тогда, возможно, если мы вновь поднесём факел к пергаменту, то сможем прочесть то, что на нём написано? Хотя бы узнаем символы.

Принц согласно кивнул и продолжил мою мысль:

— А ещё лучше записать все символы на отдельном листе, чтобы потом вновь не возвращаться к свитку. — Молодой мужчина вновь покинул меня и ушёл за бумагой, чернилами и пером. Я же не смела без своего спутника и пошевеливаться, хоть мне было ужасно интересно узнать, что же ещё за символы таит в себе этот свиток.

Через несколько минут Чарльз пришёл со всем необходимым. Я взглянула на него, не решаясь попросить инструменты для письма, но он сам мне их предложил:

— Это ведь благодаря вам мы совершили это маленькое открытие. — Он улыбнулся мне, разместил на столе листок, макнул перо в чернила и отдал мне его, забрав у меня факел, который аккуратно поднёс к старому документу. Перед нами вновь всплыли иероглифы, как будто бы камни, кинутые на дно реки, только что обратно выплыли на поверхность.

Но теперь он подносил факел к каждому углу свитка, отчего тот стал проявлять новые признаки письма. У нас двоих перехватило дыхание, но мы, словно одурманенные неким пьянящим напитком, продолжали своё дело. Я медленно, но уверенно наносила на чистую бумагу все символы, которые были мне незнакомы, стараясь не пропустить ни единую точку, ни единую линию и завиток.

Приблизительно через час у принца устала рука и он взял факел в другую руку, но в этом не было необходимости. Я закончила писать.

Теперь мы стояли и проверяли правильность воссозданных мною иероглифов, пусть даже я не была уверена, что это они. После некоторых исправлений мы отошли от стола и посмотрели друга на друга. У меня закружилась голова от переизбытка чувств и я бы упала, если бы принц не придержал меня за локоть.

— Не верится просто. — Язык заплетался во рту. — Вам не кажется, что эти символы не похожи на древнеегипетские иероглифы?

— Да, я заметил. Но ведь в библиотеке Александрии работало множество учёных со всех концов света. Это может быть какой-нибудь другой древний язык.

— Вы правы. И что теперь?

— Теперь нам нужно будет расшифровать это. — Увидев усталость в моих глазах, принц улыбнулся и успокоил меня словами: — Но не сейчас, конечно же. Нам потребуется время, и, возможно, помощники.

Я не удовлетворилась таким ответом: во-первых, мне не хотелось посвящать кого-то в нашу сокровенную общую тайну, во-вторых, меня действительно пугала мысль, что кто-то узнает, что мы занимаемся подобными делами. В глазах церкви

то, что мы уже совершили, было греховным. А если выяснится, что мы пытаемся расшифровать документ, принадлежавший древнеегипетским учёным, которые являлись язычниками, то наши деяния примут за ересь. Я даже не столько боялась за себя, как за принца. Хотя это, наверное, его бы помиловали, а не меня.

— Но ведь это может быть небезопасно... — Осмелилась высказаться вслух я.

— Да. Ну ладно, я что-то придумаю. Мы ведь с вами не умеем расшифровывать древнюю символику. — С досадой произнёс Чарльз. Он свернул бережно свиток и положил его на прежнее место. — А пока этот лист будет надёжно спрятан мною в тайнике. — Взяв у меня из рук бумагу с символами, сказал мой сообщник. — Вы ведь сохраните нашу тайну?

— Конечно. — С обидой в голосе произнесла я.

— Не обижайтесь, — тихо засмеялся принц. — Я должен был спросить, хоть уже знал ответ.

Я не видела, куда пошёл принц, но знала, что он прячет наш сокровенный лист туда, где его вряд ли найдут. Чарльз вернулся ко мне, протянул мне руку в этот раз и мы пошли вдоль бесконечных книжных шкафов по скрипучему деревянному полу к выходу.

Когда мы очутились за пределами библиотеки и перешли в другое крыло здания, я столкнулась с Камиллой, которая, увидев меня, была так удивлена, что не сразу поздоровалась с принцем и поклонилась ему. Её взгляд, направленный в нашу сторону, когда мы пошли дальше, немного озадачил меня. Неужели она подумала, что у меня с принцем роман? Вспомнив о том, что я должна была принести её величеству веер и шла за ним больше часа, то я не стала удивляться тому, что себе напридумала эта девица. Мне следует быть осторожней в следующий раз. Я извинилась перед принцем и поспешила в покои Сесилии, чтобы всё-таки выполнить её поручение. Когда я ускорила шаг и почти что бежала в сторону спальни королевы, то услышала позади чей-то голос, обращённый к младшему принцу:

— А кто была эта красавица? —

Поинтересовался он.

И только добравшись до комнаты моей госпожи, я поняла, что это был Теодор. Он, наконец, заметил меня! Но моё счастье тут же улетучилось, когда я увидела в покоях Сесилии её саму, окружённую роем слуг и фрейлин. Увидев меня, королева ничего не сказала, а я не нашла, что можно привести в своё оправдание, поэтому покорно опустила перед королевой в реверансе и ждала дальнейших указаний. Но их не последовало,

Сесилия даже не выругала меня. Но я знала, что эта женщина, никогда особо меня не любящая, теперь будет тихо меня ненавидеть».

Через два дня в честь окончания лета было решено устроить настоящий праздник. Сотни слуг подготавливали дворец к карнавальному безумию: залы были украшены различной символикой королевства, цветами, фруктами, цветными камнями, в саду возводили новые фонтаны, повсюду ставили ароматные свечи в стеклянных баночках. В воздухе благоухали запахи цветов, ароматных масел и вина.

Придворные, как и вся королевская чета, заказывали у портных пышные наряды и маски, являющиеся главным атрибутом этого торжества. Адриана не стала исключением и пусть на карнавале её лицо будет скрыто под маской, она надеялась, что сможет затмить всех красотой своего платья. Едва сумев выпросить у отца деньги на платье, девушка заблаговременно заказала у флорентийских поставщиков тканей несколько метров кремового, переливающегося на свету, шёлка.

Пояс на платье представлял собой несколько квадратов из золота, обвивающих талию и украшенных по середине каплями бриллиантов. Кремовые туфли на невысоком каблуке, обшитые

золотом, дополняли образ. Маску девушке пошили из утончённой кремовой парчи, края которой были сотканы из золотых нитей. В день празднества Адриана накрутила волосы и украсила их золотым тоненьким ободком. Каждый придворный старался выбрать себе какой-то образ.

К вечеру танцевальный зал наполняли все обитатели дворца в праздничных нарядах и масках, напоминающих какого-то животного или мифического создания. Даже слуги преобразились и пришивали к своим скромным нарядам различные броши в виде бабочек, цветов, совы, паука и пр. Адриане не нужно было изощряться, чтобы намекать о своём образе. Её причёска, обруч на голове, складки на светлом платье говорили о том, что сегодня она была греческой богиней.

Хотя девушку всегда сравнивали с греческой богиней Афродитой, по словам многих, она была намного красивее вышеупомянутой красавицы, хотя об объективности таких высказываний не могло идти и речи, ведь их озвучивали люди, которые вряд ли могли видеть своими глазами данную героиню греческой мифологии.

Но и Адриана, часто слушающая такую лесть и комплименты, была с ними согласна, так как скромностью не обладала. А сегодня, представ во всей красе перед уже собравшейся толпой, она в этом лишь убедилась. Когда она зашла в зал, все

мужчины и женщины, и даже король, оторвались от своих дел и обратили всё внимание на эту красавицу.

Адриана была рада тому, что смогла утереть нос всем нарядным девушкам и женщинам, включая королеву, которую, как, собственно, и короля было легко узнать, даже несмотря на одетые маски. Собравшиеся придворные короля и королевы, а также сама королевская чета собрались в два разных круга: мужчины отдельно от женщин, и после первых аккордов музыкальных инструментов они начали танцевать эстампиаду.

Танец по кругу, прыжки, размах руками, смена позиции — всё это было открытием маскарадного бала. После эстампиады танцующие мужчины осуществляли «братание»: они разрушали единство кругов и приглашали представительниц противоположного пола. Тем самым, был дан знак, что остальные присутствующие могут присоединиться к танцующим.

К Адриане подошли сразу несколько желающих. Она даже засмеялась от восторга, но не смогла отказать королю, который горячо умолял девушку, притворяющуюся, что она его не узнаёт за этой маской, чтобы она потанцевала с ним.

Генрих выглядел также безукоризненно и своей настойчивостью не мог позволить Адриане отказать ему в такой маленькой просьбе. Он

выполнял каждое новое па с вышколенной грациозностью и знанием дела. Мужчина как будто бы случайно всё время прикасался одной рукой к талии девушки, весь танец проглатывал её взглядом.

Подобное внимание лишь отчасти льстило Адриане, которая почти никогда не отказывала во взаимности мужчин. Но это был не просто мужчина, это был сам король, первый человек в королевстве. И Адриана, как она сама недавно высказалась, слишком любила жизнь, чтобы вверить свою судьбу в руки этого мужчины, став его любовницей.

Она знала, как переменчивы короли и каким опасностям подвергаются их любовницы, если эти короли женаты. И хоть короли часто аннулировали браки и узаконивали связь с любовницами, Адриана не желала становиться женой короля. Она слишком любила свободу и веселье, которых лишилась бы, связав свою жизнь с монархом. Ведь короли обладают абсолютной властью не только над народом, но и над собственными жёнами. И эта власть позволяла им заводить себе множество любовниц и казнить жён, если им это вздумается. О том, чтобы разделить с кем-то ещё своё ложе, королева могла лишь мечтать во снах. Короли были невероятно ревнивы и не прощали измен. Адриану такая перспектива не радовала, лишаться головы, да